

Анализ истории болезни пациента Р.Р. Раскольников

Analysis of the Patient's Medical History Rodion Romanovich Raskolnikov

ANDREY PETRUSHIN, *psychiatrist*
detdombook@yandex.ru

Received: June 11, 2018.

Accepted: December 14, 2018.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу личности Родиона Раскольникова с точки зрения современной психиатрии. Федор Михайлович Достоевский в своем письме издателю указывал на психологическую основу своего произведения. Именно это указание побудило посмотреть на жизнь, мысли, поведение Раскольникова с профессиональной точки зрения врача-психиатра. Попытаться найти причины преступления отличные от общепринятого понимания и доказать болезненность идей и поступков главного героя романа.

Ключевые слова: Раскольников, преступление, болезнь, шизофрения.

ABSTRACT

This article deals with the analysis of Raskolnikov's personality through the lens of the current psychiatry. Dostoevsky Fyodor Mikhailovich suggested psychological basis of his work when wrote a letter to the publisher. This particular suggestion motivated me to analyze Raskolnikov's life, thoughts and behavior as a professional psychiatrist. I've tried to find causes of the crime that different to the typical understanding and to prove that ideas and actions of the novel's central character were abnormal.

Keywords: Raskolnikov, crime, illness, schizophrenia.

Прочитав «Преступление и наказание», я понял, как доходчиво и при этом подробно, не только для своего времени, но и для современных психиатров описана одна из форм тяжелого психического заболевания. К такому поразительному открытию смог прийти врач-психиатр с 15-летним стажем. Можно брать книгу Ф.М. Достоевского и по пунктам сравнивать ну хотя бы даже и с «Руководством по психиатрии» академика А.С. Тиганова (Тиганов, Снежневский, Орловская и др., 1999).

Со времен появления психиатрии как отдельной специальности до сих пор основными методами, помогающими установить диагноз, остаются беседы с пациентом, людьми в его окружении и непосредственное наблюдение за самим пациентом. Учитывая, что главный герой книги «Преступление и наказание» вымышленный, в данной статье передо мной стоит нелегкая задача - доказать безошибочность профессионального мнения о наличии психиатрической патологии у Раскольникова. Я постараюсь изложить свою версию болезни Родиона Романовича с минимальным применением медицинских терминов.

Итак, большинство читателей и исследователей склонно считать, что Раскольников если и был болен какой-то душевной болезнью, то это либо преходящая патология (скоротечная по времени и не имеющая последствия при исчезновении причин), обусловленная тяжелым материальным положением (нищета, отвратительные условия жизни, психологические травмы), либо, что встречается в умозакключениях некоторых

психиатров XIX века, болезнь отсутствует, а есть лишь проявление особенностей характера, которые, конечно, не могут считаться патологией, но несколько отступают от общепринятых понятий нормы психического состояния (так называемая «акцентуация»). Я категорически не согласен ни с тем, ни с другим мнением. Если внимательно читать книгу и делать выписки касаясь Родиона Романовича, то получается полная картина состояния главного героя.

Родион Романович Раскольников имел ярко выраженные особенности характера еще до момента основного действия романа. Со слов его матери, Пульхерии Александровны, Родя с детства был особенным ребенком (Достоевский, 2017 II: 138):

«Его характеру я никогда не могла довериться, даже когда ему было только пятнадцать лет. Я уверена, что он и теперь вдруг что-нибудь может сделать с собой такое, чего ни один человек никогда и не подумает сделать...»

И по поводу мнения Пульхерии Александровны в отношении не состоявшейся женитьбы сына (Достоевский, 2017 II: 138):

«-Вы думаете, - с жаром продолжала Пульхерия Александровна, - его бы остановили тогда мои слезы, мои просьбы, моя болезнь, моя смерть, может быть, с тоски, наша нищета? Преспокойно бы перешагнул через все препятствия».

Как говорят обыватели, человек сам себе на уме. С моей точки зрения, подобное поведение есть проявление эмоциональной холодности к чужому мнению и чувствам. Причем неважно, чье это мнение - близких и родных, от которых он еще и материально зависит, или посторонних.

Из воспоминаний Дмитрия Прокофьевича Разумихина об университетских годах Родиона Романовича мы узнаем, что он был необщителен с товарищами практически до полной изоляции от них. Его воспринимали как человека высокомерного, но при этом признавали его способности в учебе. Д.П. Разумихин очень точно характеризует Раскольникова (Достоевский, 2017 II: 137):

«Полтора года я Родиона знаю: угрюм, мрачен, надменен и горд; в последнее время (а может, гораздо прежде) мнителен и ипохондрик. Великодушен и добр. Чувств своих не любит высказывать и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце. Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувствен до бесчеловечия, право, точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются. Ужасно иногда неразговорчив! Всё ему некогда, всё ему мешают, а сам лежит, ничего не делает. Не насмешлив, и не потому, чтоб остроты не хватало, а точно времени у него на такие пустяки не хватает. Не дослушивает, что говорят. Никогда не интересуется тем, чем все в данную минуту интересуются. Ужасно высоко себя ценит и, кажется, не без некоторого права на то».

И даже при изменении круга общения и окружающей обстановки сам Раскольников не меняется:

«В остроге, в окружающей его среде, он, конечно, многого не замечал, да и не хотел совсем замечать. Он жил, как-то опустив глаза: ему омерзительно и невыносимо было смотреть» (Достоевский, 2017 II: 137);

«Он ходит на работы, от которых не уклоняется и на которые не напрашивается. К

пище почти равнодушен...» (Достоевский, 2017 II: 340);

«...уверяя, что все эти заботы о нем только досаждают ему...» (Достоевский, 2017 II: 340);

«Его же самого не любили и избегали все. Его даже стали под конец ненавидеть - почему? Он не знал того» (Достоевский, 2017 II: 343);

«Из-за чего, он и сам не знал того, - произошла однажды ссора; все разом напали на него с остервенением» (Достоевский, 2017 II: 343);

«Он никогда не говорил с ними о боге и о вере, но они хотели убить его как безбожника; он молчал и не возражал им. Один каторжный бросился было на него в решительном исступлении; Раскольников ожидал его спокойно и молча: бровь его не шевельнулась, ни одна черта его лица не дрогнула» (Достоевский, 2017 II: 343).

Из сказанного можно предположить, что Родион Романович имеет особенности характера, называемые шизоидной акцентуацией. Это не болезнь. Она занимает промежуточное положение между типичными чертами среднестатистической, нормальной, личности и шизоидной психопатией, являющейся болезнью (с фазами обострения, ведущей к социальной дезадаптации, и относительно спокойными периодами). Достаточно полно и понятно описывает шизоидную психопатию А.Е. Личко (1983: 139):

«Наиболее существенными чертами данного типа считаются замкнутость, отгороженность от окружающего, неспособность или нежелание устанавливать контакты, снижение потребности в общении. Сочетание противоречивых черт в личности и поведении — холодности и утонченной чувствительности, упрямства и податливости, настороженности и легковерия, апатичной бездеятельности и напористой целеустремленности, необщительности и неожиданной назойливости, застенчивости и бестактности, чрезмерных привязанностей и немотивированных антипатий, рациональных рассуждений и нелогичных поступков, богатства внутреннего мира и бесцветности его внешних проявлений — все это заставило говорить об отсутствии «внутреннего единства».

Пример проявления шизоидной психопатии наглядно показан в популярном американском сериале о физике-теоретике и его друзьях-«ботаниках» («Теория большого взрыва», 2007-2018). Достаточно верно сыграна эта непростая роль.

Можно, конечно, предположить наличие у Раскольникова акцентуации. И только. Даже учитывая его дальнейшее поведение допустить психопатию. И списать его поступки на увлеченность своей идеей и поиском смысла жизни, если бы не несколько фактов из жизни пациента, абсолютно не вписывающихся в классическую картину психопатии.

При прочтении книги, даже не приводя примеры, можно выявить следующие симптомы в поведении Раскольникова: пассивность, полное безразличие к окружающему миру, минимальная выраженность эмоций, низкая способность к концентрации внимания, трудность переключения с одного вида деятельности на другой, невозможность принимать решения. Да, это не прямые признаки болезни. Но признаки.

Первое, что обращает на себя внимание врача-психиатра, это появление у Родиона Романовича еще большей, чем прежде, социальной отгороженности. За шесть месяцев до преступления он бросает университет. Вряд ли это произошло внезапно. Раскольников перестает давать частные уроки и практически остается без какого-

либо дохода. Но это его абсолютно не беспокоит. Проявляются симптомы не просто отгороженности, а аутизации (Достоевский, 2017 II: 23):

«Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу, и даже лицо служанки, обязанной ему прислуживать и заглядывавшей иногда в его комнату, возбуждало в нем желчь и конвульсии».

Когда Раскольников оказывается в полной мере поглощенным своей теорией, в его психическом состоянии появляются выраженные изменения (Достоевский, 2017 II: 7):

«...но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи... Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься».

Приведем и другие примеры из текста:

«Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе» (Достоевский, 2017 II: 7);

«Я лучше любил лежать и думать. И всё думал...» (Достоевский, 2017 II: 264).

На бытовом уровне болезнь проявляется полным пренебрежением к внешнему виду: «Трудно было более опуститься и обнеряшиться; но Раскольникову это было даже приятно в его теперешнем состоянии духа» (Достоевский, 2017 II: 23); «он менее всего совестился своих лохмотьев на улице» (Достоевский, 2017 II: 8), равнодушен он и к чистоте вещей в своей комнате: «...уже по тому одному, как они были запылены, видно было, что до них давно уже не касалась ничья рука...» (Достоевский, 2017 II: 22). Пренебрегая простыми правилами гигиены, он часто спал «так, как был, не раздеваясь, без простыни, покрываясь своим старым, ветхим, студенческим пальто и с одною маленькою подушкой в головах, под которую подкладывал всё, что имел белья, чистого и заношенного...» (Достоевский 2017 II: 22). При этом несмотря на своё огромное самомнение и полнейшее признание к другим, Родион Романович не задумываясь надевал на себя чужую ношенную одежду. Аппетит у него практически пропал: по его собственному признанию, «по суткам не выходил, и работать не хотел, и даже есть не хотел, всё лежал. Принесет Настасья - поем, не принесет - так и день пройдет; нарочно со зла не спрашивал!» (Достоевский 2017 II: 264).

Неадекватность эмоциональных реакций проявилась в момент встречи Роди с мамой и сестрой, которых он не видел три года, по которым скучал и ради которых, якобы, пошел на преступление: «Заочно, кажется, так ведь любил их» (Достоевский 2017 II: 145). Вы можете возразить, сказав, что часто так бывает. Пойдешь на низость ради близкого человека, а потом и ненавидишь его. Потому что, как правило, не ценят твоего поступка. Этим можно было бы многое объяснить. Но совершил он преступление не ради близких. Уплотнение, холодность, формальность в общении заметила и сестра Раскольникова: «Что он, по обязанности, что ли, нам отвечает? - подумала Дунечка, - и мирится, и прощения просит, точно службу служит али урок затвердил» (Достоевский

2017, II: 144).

Этим же объясняются такие странные, противоположные чувства по отношению к одному объекту, событию (амбивалентность). Наличие амбивалентности описывается в нескольких фрагментах романа:

«Раскольников не привык к толпе и, как уже сказано, бежал всякого общества, особенно в последнее время. Но теперь его вдруг что-то потянуло к людям. Что-то совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощутилась какая-то жажда людей. Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире, хоть бы в каком бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной» (Достоевский, 2017 II: 12);

«Несмотря на недавнее мгновенное желание хотя какого бы ни было сообщества с людьми, он при первом, действительно обращенном к нему слове вдруг ощутил свое обычное неприятное и раздражительное чувство отвращения ко всякому чужому лицу, касавшемуся или хотевшему только прикоснуться к его личности» (Достоевский, 2017 II: 13);

«Ему неприятно, очень неприятно было сталкиваться с народом, но он шел именно туда, где виднелось больше народу. Он бы дал всё на свете, чтоб остаться одному; но он сам чувствовал, что ни одной минуты не пробудет один» (Достоевский, 2017 II: 331).

Такие ощущения особенно характерны для пациентов психиатра. Они не могут жить без мамы, но при этом готовы убить ее при малейшем же конфликте.

Неоднократно в тексте встречаются указания на быструю истощаемость внутренних сил (снижение энергетического потенциала), резко появляющуюся слабость, разбитость, что также является симптомом тяжелого заболевания:

«Даже тоска прошла, ни следа давешней энергии, когда он из дому вышел, с тем «чтобы всё кончить!». Полная апатия заступила ее место» (Достоевский, 2017 II: 110);

«Еще немного, и это общество, эти родные, после трехлетней разлуки, этот родственник тон разговора при полной невозможности хоть об чем-нибудь говорить, - стали бы наконец ему решительно невыносимы» (Достоевский, 2017 II: 148).

Резкая смена настроения («После внезапного, припадочного взрыва смеха Раскольников стал вдруг задумчив и грустен» (Достоевский, 2017 II: 105) также становится проявлением снижения энергетического потенциала у Раскольникова.

Появляется у Раскольникова и нарушение логического мышления, что проявилось наличием суеверий (Достоевский, 2017 II: 44):

«Но Раскольников в последнее время стал суеверен. Следы суеверия оставались в нем еще долго спустя, почти неизгладимо. И во всем этом деле он всегда потом склонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений».

Всё вышеописанное можно сопоставить с тетрадой психиатра Блейлера (1993): ассоциативный дефект - отсутствие связанного целенаправленного логического мышления; аутизм - дистанцирование от внешней реальности, погружение в свой внутренний мир; амбивалентность - наличие в психике пациента разнонаправленных эмоций (любли/ненавижу в одно и то же время); аффективная неадекватность - в стандартной ситуации дает неадекватный аффект (эмоцию). Именно эти проявления

Э. Блейлер считал основными характеристиками тяжелой болезни. Непрофессионалу эти симптомы могут показаться надуманными и «притянутыми» потому, что обычному человеку они не видны. И скорее всего, по мнению обывателя, могут быть проявлением лени и протеста против... Да чего угодно. Но именно эти, не такие яркие, как галлюцинации, симптомы и являются самым грозным и определяющим признаком наличия заболевания.

Перейдем к другим, описанным в книге, «странностям» в поведении Родиона Романовича.

Наплывы мыслей, несоответствующих ситуации (или ментизм), неконтролируемый поток с отсутствием возможности вырвать хотя бы одну мысль являются частым спутником процесса болезни. Даже когда Раскольников шел на убийство, его сознание было поглощено неизвестно откуда взявшимися мыслями об обустройстве городских садов фонтанами. Или другие примеры:

«Клочки и отрывки каких-то мыслей так и кишели в его голове; но он ни одной не мог схватить, ни на одной не мог остановиться, несмотря даже на усилия...» (Достоевский, 2017 II: 59),

«— Пойдите! — остановил он их снова, — вы всё перебиваете, а у меня мысли мешаются...» (Достоевский, 2017 II: 126),

«Он не помнил, сколько он просидел у себя, с толпившимися в голове его неопределенными мыслями» (Достоевский, 2017 II: 268),

«В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются...» (Достоевский, 2017 II: 8).

Ментизм может быть причиной тревоги оставаться одному, не среди людей. Стремление быть в толпе, но при этом не общаться ни с кем.

В противоположность ментизму у Родиона Романовича отмечались и шперрунги (резкий обрыв мысли, ощущение пустоты в голове, невозможность продолжить разговор или вспомнить предшествующие мысли и события):

«Когда же опять, вздрагивая, поднимал голову и оглядывался кругом, то тотчас же забывал, о чем сейчас думал и даже где проходил» (Достоевский 2017 II: 38),

«Он никогда не мог припомнить: думал ли он о чем-нибудь в то время?» (Достоевский 2017 II: 47),

«После внезапного, припадочного взрыва смеха Раскольников стал вдруг задумчив и грустен. Он облокотился на стол и подпер рукой голову. Казалось, он совершенно забыл про Заметова» (Достоевский 2017 II: 105).

Человек в таком состоянии выглядит растерянным. Взгляд теряет осмысленность. В глазах одновременно страх и пустота. По мимике можно понять, что человек изо всех сил пытается понять происходящее с ним, вспомнить нить разговора. Но не может.

Основной темой романа является теория Раскольникова о разделении человечества на два типа. Не осмелившись явно высказать свои мысли, которые терзали его, судя по всему, не один месяц, Родион Романович пишет в газету статью «О преступлении», в которой основной темой выставляет «психологическое состояние преступника в продолжение всего хода преступления». Но скрытую мысль рассмотрел следователь: «меня, собственно, не эта часть вашей статейки заинтересовала, а некоторая мысль, пропущенная в конце статьи, но которую вы, к сожалению, проводите только намеком,

неясно...» (Достоевский 2017, II: 164) и вкратце рассказывает суть теории: «Всё дело в том, что в ихней статье все люди как-то разделяются на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступить закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные» (Достоевский, 2017 II: 165). К сожалению, мы не можем видеть полного текста статьи. Но из комментариев тех, кто прочитал ее, можно понять, что идеи, высказанные в статье, носят шокирующий для обывателей характер. Порфирий Петрович так характеризует статью: «Статья ваша нелепа и фантастична» (Достоевский, 2017 II: 285). Разумихин просто отказывается верить в это: «– Да как же это? Быть не может, чтобы так!» (Достоевский, 2017 II: 165). Но сам Раскольников соглашается с интерпретацией своей теории Порфирием Петровичем и вступает в длительные рассуждения на эту тему, являющуюся единственным проблеском мысли в его сознании.

Многим из нас знакомо это состояние. Состояние поглощенности какой-то одной важной на данный момент мыслью, идеей. Она не дает нам спать, лишает аппетита, ограничивает общение с окружающими. Но она не настолько продолжительна и разрушительна для сознания обыкновенного человека. Такие мысли называются «сверхценная идея». Родион Романович очень долго мог рассуждать на тему своей теории. При этом рассуждении не наблюдаются ни ментизмы, ни шпёррунги, ни истощения. И оставшись лишь теоретиком и не имея других симптомов и страдая социальной дезадаптацией, он может считаться психопатом.

Но болезнь развивалась: «Странная мысль наклеивалась в его голове, как из яйца пыленок, и очень, очень занимала его» (Достоевский 2017 II: 45). Его подсознание искало способ решить проблему, как часто и у нас бывает (ну или как у великих – Менделеевский сон о группировке химических элементов, например). Задумываясь как возвыситься, переступить черту, кого выбрать «ритуальной жертвой» для раскрытия в себе «сверхчеловека», Раскольников слышит разговор о процентщице, мерзкой скряге, «угнетающей» всех нерадивых, которые из всех способов заработка выбрали заклад. Незнакомый студент в беседе, подслушанной Раскольниковым с офицером «подсказывает», кого и почему можно, а может даже и нужно во имя будущих благих дел, убить. Вот она – жертва! Её не жалко! И это воспринимается сознанием Раскольникова как его собственные мысли (Достоевский, 2017 II: 46):

«Раскольников был в чрезвычайном волнении. Конечно, всё это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... такие же точно мысли? И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?.. Станным всегда казалось ему это совпадение. Этот ничтожный, трагичный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...».

Ему подсказали и он согласился. Даже борьбы мотивов нет. Эти двое высказали мнение и этого достаточно. В «приговор» процентщице добавляется еще то, что она

бедную, убогую младшую сестренку Лизоньку угнетает. Даже мысли не возникает, что, возможно, с Лизой по-другому и нельзя. Что только в строгости и в работе можно держать её скудный умишко. Иначе вырвется на свободу этот инфантилизм и пустится во все тяжкие: «Лизавета поминутно была беременна» (Достоевский, 2017 II: 45), «Тихая такая, кроткая, безответная, согласная, на всё согласная» (Достоевский, 2017 II: 46). Даже ни на секунду не задумался о другой стороне личности процентщицы. Нет! Жертва выбрана. Весь бред, всё вселенское зло было сосредоточено в сознании Раскольникова на бедной старушонке: «- О, как я ненавижу теперь старушонку! Кажется, бы другой раз убил, если б очнулась!» (Достоевский, 2017 II: 175). Причем она была выбрана для уничтожения принципа. Но Родион Романович перенес на неё и все свои отрицательные эмоции. Она была виновна во всем – в нищете его семьи, в крохоборстве, в угнетение Лизы и наживе на несчастных. Этими мыслями он поддерживал себя.

И мыслью, высказанную студентом (Достоевский, 2017 II: 46):

«С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, - и всё это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не заглается ли одно, крошечное преступленье тысячи добрых дел? За одну жизнь - тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен - да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна» .

Раскольников пытается прикрыть свои собственные идеи. Но не попадитесь на эту уловку, уводящую невнимательного читателя в столь примитивную причину убийства. Он те же слова, практически слово в слово, что говорил студент, говорил и Дуне:

«Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости...» (Достоевский, 2017 II: 327).

Но только Соне он говорит истинный мотив своего поступка:

«Я... я захотел осмелиться и убил... я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!» (Достоевский, 2017 II: 264),

«Не для того, чтобы матери помочь, я убил - вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, всё равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое...» (Достоевский 2017 II: 265).

«- Я догадался тогда, Соня, - продолжал он восторженно, - что власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут одно только, одно: стоит только посметь! У меня тогда одна мысль выдумалась, в первый раз в жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывал! Никто! Мне вдруг ясно, как солнце, представилось, что как же это ни единый до сих пор не посмел и не смеет, проходя мимо всей этой нелепости, взять просто-

запросто всё за хвост и стряхнуть к черту! Я... я захотел осмелиться и убил... я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!» (Достоевский, 2017 II: 264);

«Мне вдруг ясно, как солнце, представилось...» (Достоевский, 2017 II: 264)

- именно такое озарение, которое происходит неожиданно, все мысли выстраиваются в четкую систему, становится всё ясно, наконец-то человек понимает всю суть происходящего, все свои сомнения и размышления. Вот так резко – раз и понятно. При этом прошлый опыт, прошлые поступки (поддержка институтского товарища и его отца, спасение детей из пожара), прошлые моральные принципы как бы стираются. Происходит переоценка ценностей. Всё сознание сосредоточивается только на одной идее, главенствующей в больном сознании.

Немаловажным в поведении и высказываниях пациента определяется отсутствие критики своего поступка. У Родиона Романовича она отсутствует (Достоевский, 2017 II: 175):

«Старуха была только болезнь... я переступить поскорее хотел... я не человека убил, я принцип убил! Принцип-то я и убил, а переступить-то не переступил, на этой стороне остался... Только и сумел, что убить. Да и того не сумел, оказывается...».

С течением времени Раскольников не отказался от своей теории. Он только понял и принял, что он вошь. Основная мысль, лучше сказать сверхценный бред, сохранился даже по истечении времени пребывания на каторге:

«Но он не раскаивался в своем преступлении» (Достоевский 2017 II: 341);

«Совесть моя спокойна. Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно!» (Достоевский 2017 II: 342);

«Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинною» (Достоевский, 2017 II: 342).

«- Преступление? Какое преступление? - вскричал он вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, - то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? Не думаю я о нем и смывать его не думаю. И что мне все тычут со всех сторон: «преступление, преступление!» Только теперь вижу ясно всю нелепость моего малодушия, теперь, как уж решился идти на этот ненужный стыд!» (Достоевский, 2017 II: 327);

«Но ведь ты кровь пролил! - в отчаянии вскричала Дуня. - Которую все проливают, - подхватил он чуть не в испуге, - которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества. Да ты взгляни только пристальнее и разгляди! Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости, так как вся эта мысль была вовсе не так глупа, как теперь она кажется, при неудаче... (При неудаче всё кажется глупо!). Эту глупостью я хотел только поставить себя в независимое положение, первый шаг сделать, достичь средств, и там всё бы загладилось неизмеримо, сравнительно, пользой... Но я, я и первого шага не выдержал, потому что я - подлец! Вот в чем всё и дело!» (Достоевский, 2017 II: 327).

Абсолютная холодность к смерти человека, никаких угрызений совести и по поводу убийства Елизаветы.

Одним из безусловных признаков серьезного психического заболевания

является наличие у пациента галлюцинаций. Не указывая прямо на их наличие, Федор Михайлович в то же время делает определенные намеки на это в поведении Раскольникова:

«И наконец, уже на улице, он воскликнул: «О боже! как это всё отвратительно! И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! — прибавил он решительно. — И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц...» (Достоевский, 2017 II: 11);

«Вдруг, как будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидел, что стоит у того дома, у самых ворот» (Достоевский, 2017 II: 111);

Галлюцинаторное сознание заявляет о себе и в беседе героя с Соней:

«- Кстати, Соня, это когда я в темноте-то лежал и мне всё представлялось, это ведь дьявол смущал меня?а?» (Достоевский, 2017 II: 264);

«И всё такие у меня были сны, странные, разные сны, нечего говорить какие! Но только тогда начало мне тоже мерещиться, что...» (Достоевский, 2017 II: 264).

К галлюцинациям можно отнести и звуки избияния хозяйки. А в следующих цитатах можно рассмотреть не только галлюцинации, но и признаки серьезного психического заболевания - синдрома Кандинского — Клерамбо:

«- Молчи, Соня, я совсем не смеюсь, я ведь и сам знаю, что меня черт тащил... Всё это я сам с собой переспорил, до последней малейшей черты, и всё знаю, всё! И так надоела, так надоела мне тогда вся эта болтовня!» (Достоевский, 2017 II: 264);

«... что черт-то меня тогда потащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все! Насмеялся он надо мной, вот я к тебе и пришел теперь!» (Достоевский, 2017 II: 265).

В соответствии со временем проявляются и образы галлюцинаций. В XIX веке – черти и дьявол, в XX веке – инопланетяне и спец. службы.

В процессе изучения поведения Раскольникова можно выявить признаки психического автоматизма (входящего в состав синдрома Кандинского — Клерамбо и проявляющегося в ощущениях управлением извне всеми чувствами, движениями и мыслями):

«Он шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице» (Достоевский, 2017 II: 11);

«Конечно, десятки раз случилось ему возвращаться домой, не помня улиц, по которым он шел» (Достоевский, 2017 II: 43);

«Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что всё вдруг решено окончательно» (Достоевский, 2017 II: 44);

«Последний же день, так нечаянно наступивший и всё разом порешивший, действовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественною силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать» (Достоевский, 2017 II: 49);

«Вспоминая об этом после, ярко, ясно, - эта минута отчеканилась в нем навеки, - он понять не мог, откуда он взял столько хитрости, тем более что ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти и не чувствовал на себе...» (Достоевский, 2017 II: 52);

«Порой, вдруг находя себя где-нибудь в отдаленной и уединенной части города, в

каком-нибудь жалком трактире одного, за столом, в размышлении, и едва помня, как он попал сюда» (Достоевский, 2017 II: 277);

«В другой раз он проснулся пред рассветом где-то на земле, в кустах, и почти не понимал, как забрел сюда» (Достоевский, 2017 II: 277).

Как можно убедиться из вышеприведенных цитат, герой не ощущал своего тела, не контролировал свои движения.

Перед совершением преступления Родион Романович находился в каком-то странном состоянии (Достоевский, 2017 II: 47):

«Пообедав, протянулся он опять на диван, но заснуть уже не мог, а лежал без движения, ничком, уткнув лицо в подушку. Ему всё грезилось, и всё странные такие были грезы: всего чаще представлялось ему, что он где-то в Африке, в Египте, в каком-то оазисе. Караван отдыхает, смиренно лежат верблюды; кругом пальмы растут целым кругом; все обедают. Он же всё пьет воду, прямо из ручья, который тут же, у бока, течет и журчит. И прохладно так, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бежит по разноцветным камням и по такому чистому с золотыми блестками песку...».

Этот отрывок, а также описание состояния Раскольникова после совершенного преступления, очень похожие на описания онейроида (фантастические, грезоподобные переживания, с нарушениями сознания и ориентировки). Ярко и по-научному это состояние описано во фрагменте (Достоевский, 2017 II: 77):

«Он, однако ж, не то чтоб уж был совсем в беспамьятстве во всё время болезни: это было лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием. Многое он потом припомнил. То казалось ему, что около него собирается много народу и хотят его взять и куда-то вынести, очень об нем спорят и ссорятся. То вдруг он один в комнате, все ушли и боятся его, и только изредка чуть-чуть отворяют дверь посмотреть на него, грозят ему, сговариваются об чем-то промеж себя, смеются и дразнят его. Настасью он часто помнил подле себя; различал и еще одного человека, очень будто бы ему знакомого, но кого именно - никак не мог догадаться и тосковал об этом, даже и плакал. Иной раз казалось ему, что он уже с месяц лежит; в другой раз - что всё тот же день идет. Но об том - об том он совершенно забыл; зато ежеминутно помнил, что об чем-то забыл, чего нельзя забывать, - терзался, мучился, припоминая, стонал, впадал в бешенство или в ужасный, невыносимый страх. Тогда он порывался с места, хотел бежать, но всегда кто-нибудь его останавливал силой, и он опять впадал в бессилие и беспамьятство».

Федор Михайлович описал основные признаки онейроида: сохранение частичной памяти на события, нарушением ориентировки во времени, бред, психомоторное возбуждение в виде попытки куда-то бежать. Еще несколько примеров:

«И всё такие у меня были сны, странные, разные сны, нечего говорить какие! Но только тогда начало мне тоже мерещиться, что...» (Достоевский, 2017 II: 264),

«Для Раскольникова наступило странное время: точно туман упал вдруг перед ним и заключил его в безвыходное и тяжелое уединение. Припоминая это время потом, уже долго спустя, он догадывался, что сознание его иногда как бы тускнело и что так продолжалось, с некоторыми промежутками, вплоть до окончательной катастрофы. Он был убежден положительно, что во многом тогда ошибался, например, в сроках и времени некоторых происшествий. По крайней мере, припоминая впоследствии и силясь уяснить себе припомиаемое, он многое узнал о себе самом, уже руководясь сведениями, полученными от посторонних. Одно событие он смешивал, например, с другим; другое считал последствием происшествия, существовавшего только в его воображении. Порой

овладевала им болезненно-мучительная тревога, перерождавшаяся даже в панический страх. Но он помнил тоже, что бывали минуты, часы и даже, может быть, дни, полные апатии, овладевавшей им, как бы в противоположность прежнему страху, - апатии, похожей на болезненно-равнодушное состояние иных умирающих. Вообще же в эти последние дни он и сам как бы старался убежать от ясного и полного понимания своего положения; иные насущные факты, требовавшие немедленного разъяснения, особенно тяготили его; но как рад бы он был освободиться и убежать от иных забот, забвение которых грозило, впрочем, полною и неминуемою гибелью в его положении» (Достоевский, 2017 II: 277).

Во время пребывания на каторге, Родион Романович заболел. Но Ф. М. Достоевский, знаток падучей и чахотки, а также и других болезней, не смог определить, чем именно был болен его литературный герой и представил описание (Достоевский, 2017 II: 343):

«Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, - но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спаситься во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса.

Раскольникова мучило то, что этот бессмысленный бред так грустно и так мучительно отзывается в его воспоминаниях, что так долго не проходит впечатление этих горячешных грез».

После такого описания не остается никаких сомнений в наличии у Раскольникова тяжелого психического заболевания. Отсутствие названия этого состояния в тексте связано с отсутствием его названия в самой психиатрии на тот момент. Более глубокое описание психических автоматизмов, псевдогаллюцинаций, онейроида надо было ждать еще несколько лет. Поэтому Федор Михайлович и ограничился лишь намеками на наличие этих симптомов у Раскольникова. И в принципе не было задачи у Ф.М. Достоевского описать состояние больного человека. Или была?

В дополнение описания картины состояния Раскольникова приведу характеристики, данные ему другими персонажами романа. Интересное наблюдение звучит из уст

Свидригайлова (Достоевский, 2017 II: 294):

«- Но не в том теперь дело, а в том, что я уже несколько раз смотрел на вас сбоку. Вы выходите из дому - еще держите голову прямо. С двадцати шагов вы уже ее опускаете, руки складываете назад. Вы смотрите и, очевидно, ни пред собою, ни по бокам уже ничего не видите. Наконец, начинаете шевелить губами и разговаривать сами с собой, причем иногда вы высвобождаете руку и декламируете, наконец, останавливаетесь среди дороги надолго. Это очень нехорошо-с. Может быть, вас кое-кто и замечает, кроме меня, а уж это невыгодно» .

Такое же поведение отметила и Авдотья Романовна, которую её брат и не заметил, пройдя мимо.

Если проследить за поведением Раскольников, то практически сразу можно заподозрить наличие у него психического заболевания. Он постоянно следил за каждым движением, за каждой реакцией Родиона Романовича (Достоевский, 2017 II: 142):

«...с удивлением заметил в нем, с приходом родных, вместо радости, как бы тяжелую скрытую решимость перенести час-другой пытки, которой нельзя уж избежать. Он видел потом, как почти каждое слово последовавшего разговора точно прикасалось к какой-нибудь ране его пациента и бередило ее; но в то же время он и подивился отчасти сегодняшнему умению владеть собой и скрывать свои чувства вчерашнего мономана, из-за малейшего слова впадавшего вчера чуть не в бешенство».

И определил, довольно верно, начало болезни у Раскольника: «- Мне кажется, начало вашего расстройства совпадает отчасти с выходом вашим из университета» (Достоевский, 2017 II: 142).

И Порфирий Петрович, человек, конечно, не владеющий медицинскими знаниями, но повидавший разные типы людей на своем профессиональном пути, также подозревает у Раскольника наличие болезни: «- Экой же вы вертун! - захихикал Порфирий, - да с вами, батюшка, и не сладишь; мономания какая-то в вас засела» (Достоевский, 2017 II: 220).

Да и сам Федор Михайлович в начале повествования, описывая внешний вид и внутреннее состояние Родиона Романовича от лица рассказчика, уже подсказывает диагноз: «Так бывает у иных мономанов, слишком на чем-нибудь сосредоточившихся» (Достоевский, 2017 II: 23). Знания о мономании Федор Михайлович мог почерпнуть из трудов Жан-Этьена Доминика Эскироля (Dominique Esquirol, 1838), к тому времени уже вышедшие в печатном виде. И эти знания вложил в уста Зосимова.

Согласно трудам Эскироля о мономании «Больные исходят из ложного принципа, выводят из него логические заключения и приходят к совершенно правильным выводам, которые видоизменяют их привязанности и волевые акты; вне этого частичного бреда они чувствуют, рассуждают, действуют, как все люди; иллюзии, галлюцинации, неправильные ассоциации идей, ложные убеждения причудливого и странного характера лежат в основе этого бреда, который я склонен называть интеллектуальной мономанией» (Каннабих, 1994: 177). При описании мономании убийства Эскироль, одной из категорий, выделил случаи желаний убить людьми, которые движимы химерическими мотивами и явно болезненными бредовыми идеями. Что и наблюдается у Раскольника:

«...я захотел, Соня, убить без казуистики, убить для себя, для себя одного!» (Достоевский 2017 II: 265),

«Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...» (Достоевский 2017 II: 262).

Одним из предрасполагаемых факторов к появлению болезни у Раскольникова современник Ф.М. Достоевского, психиатр Владимир Фёдорович Чиж, считал наличие психического заболевания у матери героя:

«Болезнь Пульхерии Александровны была какая-то странная, нервная и сопровождалась чем-то вроде помешательства, если не совершенно, то, по крайней мере, отчасти» (Достоевский 2017 II: 337);

«Во всяком случае, Дуня ясно видела, что Пульхерия Александровна не в здравом состоянии рассудка» (Достоевский 2017 II: 338),

«Фантазии ее были иногда очень странны» (Достоевский 2017 II: 338),

«Оба известия довели и без того расстроенную рассудком Пульхерию Александровну почти до восторженного состояния. Она беспрерывно говорила об этом, вступала в разговор и на улице (хотя Дуня постоянно сопровождала ее). В публичных каретах, в лавках, поймав хоть какого-нибудь слушателя, наводила разговор на своего сына, на его статью, как он помогал студенту, был обожжен на пожаре и прочее. Дунечка даже не знала, как удержать ее» (Достоевский 2017 II: 339).

Но это могло быть проявление реакции психики на тяжелую стрессовую ситуацию.

Подведем итог нашей исследовательской работы. Согласно международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ - 10), раздела V «Психические расстройства и расстройства поведения» для постановки диагноза «Шизофрения» требуется наблюдение определенных признаков в течении не менее одного месяца, которые не связаны с другими расстройствами (аффективными, эпилептическими, при других болезнях мозга, при интоксикации лекарствами и психоактивными веществами). В романе отсутствуют указания на какие-либо иные причины, которые могли бы вызвать подобное состояние.

У Раскольникова Родиона Романовича отмечаются следующие признаки, говорящие в пользу шизофрении:

1. Устойчивые бредовые идеи, которые культурно неадекватны, нелепы, невозможны и/или грандиозны по содержанию – один из основных признаков данного заболевания, наличие которого, даже в отсутствии других признаков, позволяет поставить этот диагноз.

2. Также наблюдаются следующие «меньшие» симптомы, которых должно быть не менее двух:

- Постоянные, навязчивые сверхценные идеи;
- Шперрунги;
- Достоверные и последовательные изменения общего качества поведения, проявляющиеся утратой интересов, бесцельностью, поглощенностью собственными переживаниями, социальным аутизмом;
- Негативные симптомы (но не обусловленные при этом депрессией или фармакотерапией), которые могут быть выражены
  - апатией,
  - бедностью или неадекватностью эмоциональных реакций,

- социальной отгороженностью,
- социальной непродуктивностью.

У Родиона Романовича наблюдаются четыре «младших» симптома.

Ну что ж. Согласно критериям МКБ-10 у пациента Раскольников имеет психиатрическое заболевание – шизофрения. А если предположить, что дьявол и черт действительно вели с ним диалог и управляли его действия, то никаких сомнений в правильности диагноза не остается.

Но... Как говорил мой преподаватель, цитируя корифея психиатрии: «Какой диагноз будем ставить больному шизофренией?». Почему психиатры, как это не странно будет звучать для обывателя, стараются не ставить такой «тяжелый» диагноз первичному пациенту? Тут несколько целей. Первая – это наблюдение развития болезни, т.е. будут ли повторные приступы, какое состояние личности будет в межприступный период. Вся симптоматика, наблюдаемая у Раскольникова, соответствует по описанию атипичному затяжному пубертатному приступу¹³. Этот приступ рассматривается не в разделе «Шизофрения», а в соседнем – «Шизотипическое расстройство». По большому счету это тоже шизофрения. Но относительно благоприятно развивающаяся (без выраженного развала личности и нарушений социальной адаптации) и при этом виде часто наблюдается один приступ. В пользу шизотипического расстройства говорит описание поведения Родиона Романовича на каторге: работал, как-то, хоть и не без конфликтов, уживался с другими каторжанами. И отмечается по прошествии полутора лет явное улучшение его состояния – появление эмоций по отношению к Соне, налаживание отношений с каторжанами. Не исключено, что в дальнейшем у него был новый приступ с более ярко выраженной симптоматикой. Ну, тогда уж и следует говорить о смене диагноза.

Вторая цель постановки более «мягкого» диагноза – это попытка предотвратить еще большую социальную дезадаптацию. Человек с диагнозом «шизофрения» обречен быть изгоем в современном обществе. Почему я употребил «современном»? Потому что Федор Михайлович даже со своей болезнью был принят в обществе, ему доверяли издатели, в него влюблялись женщины. А представьте своего знакомого с падучей в наше время, который еще и не скрывает своей болезни. Это изгой.

Не знаю, согласился бы с моими умозаключениями Федор Михайлович или нет, но в современном мире именно такой диагноз и поставили бы Раскольникову, с соответствующим лечением.

Как психиатру, личность Раскольникова для меня не представляет особого интереса. К сожалению, такие пациенты, с разными «идеями», встречались мне неоднократно. Но именно благодаря «Преступлению и наказанию» для меня раскрылась личность Федора Михайловича Достоевского, как одного из знатоков не только человеческой психологии, но и психиатрии. В «Преступлении и наказании» Федор Михайлович точно не только с художественной точки зрения, но и с точки зрения медицинской специальности, подробно описал одну из форм тяжелой болезни.

Рассказ о преступлении Раскольникова наглядно показывает, насколько больной человек, нуждающийся в профессиональной помощи, но при этом без явных признаков

---

¹³ Тиганов, 1999: 447-457.

сумасшествия, которые закрепились в сознании обывателя (такие как агрессия, галлюцинации, безумные идеи, нелепое поведение), может ввести в заблуждение не только близких, но и едва знакомых с ним людей. И вот его идеям даются высокие оценки, находятся оправдания его поступкам. И толпа практически готова идти с ним на Голгофу.

Для чего эта статья написана. Нет, не для того чтобы блистать умом и знаниями перед вами. Не для того, чтобы поразвлекаться и поупражняться в искусстве анализа литературных героев. А для того, чтобы предостеречь от принятия идей от людей психически нездоровых. От поиска истины там, где ее нет. И быть не может в силу изначально больного воображения, продвигающего реформаторские идеи.

Словарь

Акцентуация, акцентуация характера, акцентуация личности, акцентуированная личностная черта (от лат. *accentus* — ударение) — находящаяся в пределах клинической нормы особенность характера (в других источниках — личности), при которой отдельные его черты чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении одних психогенных воздействий при сохранении хорошей устойчивости к другим. Акцентуации не являются психическими расстройствами, но по ряду своих свойств схожи с расстройствами личности, что позволяет делать предположения о наличии между ними связи

Амбивалентность — (от лат. *ambo* — «оба» и лат. *valentia* — «сила») — двойственность (расщепление) отношения к чему-либо, в особенности — двойственность переживания, выражающаяся в том, что один и тот же объект вызывает у человека одновременно два противоположных чувства.

Бред (лат. *Delirio*) – расстройство мышления с возникновением не соответствующих реальности болезненных представлений, рассуждений и выводов, в которых больной полностью, непоколебимо убеждён и которые не поддаются коррекции.

Галлюцинация (новолат. *hallucinatio* < лат. *alucinatio* — бессмысленная болтовня, бредни, несбыточные мечты) — образ, возникающий в сознании без внешнего раздражителя.

Ментизм – произвольный наплыв мыслей, образов, обрывков воспоминаний, поток которых невозможно контролировать, невозможно выделить какую-то одну мысль из роя.

Онейроид (от др.-греч. *ὄνειρος* — сновидение, *εἶδος* — вид), шизофренический делирий — психопатологический синдром, характеризующийся особым видом качественного нарушения сознания (онейроидная, грезоподобная дезориентировка) с наличием развёрнутых картин фантастических сновидных и псевдогаллюцинаторных

переживаний, переплетающихся с реальностью.

Психический автоматизм - чувство отчуждённости, неестественности, «сделанности» собственных движений, поступков и мышления

Синдром Кандинского — Клерамбо - включает в себя псевдогаллюцинации, бредовые идеи воздействия (психического и физического характера) и явления психического автоматизма (ощущение управления действиями тела, чувствами, мыслями со стороны).

Шперрунг - внезапный обрыв в мыслительном процессе, выпадение обрывка мыслей и их застывание, при этом восстановить предыдущее рассуждение невозможно. Больные данным расстройством осознают факт выпадения мыслей.

REFERENCES

- Dominique Esquirol, J.-E. (1838). *Des Maladies mentales considérées sous les rapports médical, hygiénique et médico-légal* (О душевных болезнях, рассматриваемых в медицинских, гигиенических и судебно-медицинских отношениях). Paris: Tischer.
- Блейлер Э. (1993). *Руководство по психиатрии*. Москва: Репринт.
- Достоевский, Ф. М. (2017). *Полное собрание романов в 2 томах*. Т. 2. Москва: Альфа – книга.
- Каннабих, Ю. В. (1994). *История психиатрии*. Москва: ЦТР МГП ВОС.
- Личко А.Е. (1983). *Психопатии и акцентуации характера у подростков*. Retrieved from: <http://ncpz.ru/lib/1/book/55/chapter/29>
- Теория большого взрыва*. (2007-2018). Сериал.
- Тиганов, А.С., Снежневский, А.В., Орловская, Д.Д. и др. (1999). *Руководство по психиатрии: в двух томах*. Т. 2. Москва: Медицина.
- Чиж, В. Ф. (1885). *Достоевский как психопатолог*. Очерк. Москва: Университетская типография (М. Катков). Retrieved from: <https://www.litres.ru/vladimir-chizh/dostoevskiy-kak-psihopatolog-ocherk>
- Чуркин, А.А., Мартюшов, А.Н. (1999). *Практическое руководство по применению МКБ-10 в психиатрии и наркологии*. Тверь: Триада-Х.